

героя – это в какой-то мере типичность, обобщенность образа, даже его невыразительность и прозрачность. Давать характеристику персонажу в этом случае довольно трудно, так как точно не известно авторское отношение к нему.

Как мы увидели, анализ имен, живущих на страницах произведений мировой литературы, – увлекательная и необходимая работа, помогающая наиболее полно и глубоко интерпретировать идею художественного произведения.

Литература

1. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. – 574 с.
2. Мирошникова Н.А. Литературное имя // Русский язык и литература. – 2001. – № 2. – С. 16-19.
3. Унбегаун Б.О. Фамилии литературных героев / Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. – С. 188-195.

Терещенко Е.Е.

Черкасский государственный университет

РАННИЕ РАССКАЗЫ М.БУЛГАКОВА: ПОЭТИКА ПОРТРЕТА

Каждый Мастер растет из никому неведомого, малого. Опираясь на ранее созданное, он накапливает тот потенциал, тот опыт, который затем воплощает в шедеврах, удивляющих мир. Вырастает из своих ранних рассказов и М.Булгаков. Постепенно вырисовывается картина общих черт для всех его ранних произведений (рассказов, фельетонов, пьес). Нас интересует именно типологическая взаимосвязь рассказов, те художественные приемы, которые использовал в своем раннем творчестве автор.

Так, одной из ярких черт его рассказов является необычная художественная характеристика человека: через эпитеты, сопровождающиеся описанием одежды: *На стрельбище приезжал на машине важный в серой шинели пушистоусый... В тот же вечер в канцелярии некий в гимнастерке доложил... [Китайская история] ... И по лестнице двинулся вниз бравый в необыкновенных штанах...* [Спиритический сеанс]. Ведущую семантическую нагрузку в данных примерах несет, на наш взгляд, эпитет. В свою очередь, элемент одежды ассоциативно определяет принадлежность его владельца к тому или иному социальному слою.

А при характеристике нескольких человек (толпы, армии) Булгаков делает основной акцент на элементах одежды, и вновь использует эпитеты (чаще – обозначение цвета): *Больничные*

халаты насели на них черной стеной. ...Черные халаты стали полукругом [В ночь на 3-е число]. Двое были в сером, один в черном с рыжим портфелем [Четыре портрета]. Он [дух] был кожаный. Весь кожаный, начиная от фуражки и кончая портфелем. Мало того, он был не один... серая шинель, еще шинель [Спиритический сеанс]. Медные шлемы ударили штурмом на левое крыло [№13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна].

Таким образом, М.Булгаков в портретном описании активно обращается к деталям одежды. Его герои следуют русской поговорке «встречают по одежке»: используют одежду, чтобы произвести впечатление (“женщина в *шеншелях*”, “закутанный в *шубу*, высадился дорогой гость”), или, наоборот, чтобы с помощью невзрачности одежды, ее повседневной, будничной привычности, защититься от повышенного внимания (“хозяин, накинув вместо *пиджака* измызганный *френч*, впустил трех”). В свою очередь, читатель перенимает эту психологию и вначале судит о героях исходя только из их внешнего вида. Затем он может изменить свое мнение, но первое впечатление четко основано на том, что читатель видит перед собой.

Стоит отметить, что внешность, данная автором, почти всегда соответствует самому человеку, автор словно делится с читателем истинным (объективным) видением ситуации (авторское всеведение прорывается в описании персонажа). Подобный прием оставляет свой след в восприятии как самого героя, так и рассказа в целом.

Титянин К.А.

Каменец-Подольский педагогический университет

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА В ГРАНИЦАХ ОТНОШЕНИЙ “ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ-ПЕРСОНАЖ”

В многочисленных работах последних лет о библейском мотиве в творчестве Чехова применяют культурно-исторический и сравнительный (в широком смысле) подходы (напр., В.Ялинков, Т.В.Лебедева и Е.А.Ховрина, А.С.Собенников и мн. др.). При этом особенности чеховской адогматической идеи (религиозной идеи) для такого рода работ не столь важны: они обращены к контексту идей и этим по-своему решают проблему их неоднозначности у Чехова. В нашей работе мы пытаемся добиться наиболее непротиворечивых результатов и для этого не расширить, а сузить пределы интерпретации с помощью пары “повествователь-персонаж”. Эти наиболее важные субъекты идейного мира